

Иванов — эпизод 14 из 21

Дело вас касающее, ваше сиятельство. (Кланяется.) Велели кланяться и о здоровье спросить... И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию. Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью!

Лебедев. И я выпью. (Наливает.) А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... (Берет рюмку.) Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить! Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться! Совет им и любовь... (Пьет.) Строгая водка!

Шабельский (хохоча, Лебедеву). Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, будто я... Удивительно! (Встает.) А то в самом деле, Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь! Паша, а? Ей-богу...

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобою об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали... Прошла наша пора. Шабельский. Нет, я устрою! Честное слово, устрою!

и Львов

и Львов

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша! (Идет навстречу к Иванову и целует его.) Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь.

Авдотья Назаровна (кланяется). Здравствуйте, батюшка!

Иванов (с горечью). Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... (Подходит к столу). Ну, вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости. Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов (указывает на Лебедева). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (Лебедеву.) Чего тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально. Прошу...

уходит с Авдотьей Назаровной, за ними Боркин, потом Львов

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше он у меня никогда не пил. Ему вредно.

Лебедев (испуганно). Голубчик, я не знал... Я даже внимания не обратил...

Иванов. Не дай бог, умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?..

Лебедев. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно... Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в мое положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня...

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала... Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты! Веришь ли, загрызла, заездила, замучила! Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, у меня теперь нет денег.

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам.

Лебедев (кричит). Не хочет она ждать!

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (Ходит и думает.) И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев

У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает. Возьми займы... (Вынимает деньги и кладет на стол.)

Ну, ну, не надо! (Быстро берет со стола деньги и прячет в карман.)

Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш! Ни к черту это сравнение не годится, ну, да ведь умнее не придумаешь... (Вздыхает.) Несчастия закаляют душу. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется мука будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, брат, про тебя по уезду сплетен ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора приедет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник...

Иванов. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Все оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю.

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек. Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца... Гляжу, брат, иной раз и не верю, что у меня, у толстоногого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с нею об умном и развлечешься. Это верный, искренний человек...

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня одного...

Лебедев. Понимаю, понимаю... (Торопливо смотрит на часы.) Я понимаю. (Целует Иванова.) Прощай. Мне еще на освящение школы ехать. (Идет к двери и останавливается.) Умная... Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. (Смеется.) А она афоризмом выпалила: Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне. Каково? Гений! Жорж Занд!..

Иванов. Паша! (Останавливает его). Что со мною?

Лебедев. Я сам тебя хотел спросить об этом, да, признаться, стеснялся. Не знаю, брат! С одной стороны, мне казалось, что тебя одолели несчастья разные, с другой же стороны, знаю, что ты не таковский, чтобы того... Бедой тебя не победишь. Что-то, Николаша, другое, а что не понимаю!

Иванов

Лебедев (живо). Знаешь что? Тебя, брат, среда заела!

Иванов. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедев. Действительно, глупо.